

Елена Малая

«Факты, в которые верят»: фреймирование новостей в условиях поляризации общества

Статья посвящена исследованию восприятия новостей в условиях социального и политического конфликта. Главный вопрос, поднимаемый в работе, касается соотнесения содержания медиа и картины мира реципиентов новостного контента. Также исследуется процесс восприятия новостей — принятия или отторжения их сюжетов в дискурсивном поле пользователей новостных ресурсов. Материалом исследования послужили 25 глубинных интервью с жителями Симферополя (от 18 до 35 лет), бывшими свидетелями и участниками украинского и крымского кризиса 2014 г. В работе используется методология и категориальный аппарат *media studies*, теории фреймов и фольклористики. Результаты исследования демонстрируют зависимость восприятия новости от встраивания ее в первичную по отношению к медиа картину мира, в ряд устойчивых интерпретативных моделей. Называя этот процесс фреймированием новости, автор анализирует его на материале нескольких кейсов, демонстрирующих примат парадигмальных установок человека над содержанием новостей.

Ключевые слова: новости, поляризация общества, повестка дня, фреймы, ньюслор, медиалор, Крым, Украина, Майдан Незалежности.

Между фольклористикой и *media studies*

Являясь одним из стержней современной социокультурной среды, медиа часто оказываются объектом академического исследования. Ряд работ по осмыслению их роли в воссоздании реальности уже стали классическими [ван Дейк 1989; Эко 1998; Бурдые 2002; Луман 2005]. За сравнительно короткий срок своего существования *media studies* разделились на более дробные исследовательские области. Так, предмет настоящей работы (конструирование образа реальности в новостях и средствами новостей) относится к кругу вопросов, обычно освещаемых в смежных границах политологии, конфликтологии и семиотики медиа. Структура новостных выпусков, их лингвистические характеристики, «язык вражды», критерии отбора событий и стратегии их презентации — все это многократно становилось предметом научного исследования [Дьякова, Трахтенберг 1999; Ясавеев 2004; Taylor, Perry 2005; Душаклова 2015]. Авторы части работ сосредоточиваются на выявлении манипулятивных механизмов новостей [Быкова 2000; Старобахин 2008; Лапина-Кратасюк 2009; Сирипля 2014], некоторые акцентируют внимание на изучении их дис-

Елена Константиновна Малая
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва
lenmamalen@gmail.com

курсивного пространства [Черкашина 2013]. Однако, к сожалению, подавляющее большинство исследователей концентрируются на анализе самого новостного текста. В результате можно получить представление о его существенных характеристиках и потенциальных возможностях манипуляции, но не о том, как именно воспринимают новость конкретные зрители или читатели.

Другой проблемой исследований в этой области оказывается дисциплинарная изоляция: новость рассматривается как автономный текст, в лучшем случае имеющий прошлое (обычно — кажущуюся объективной реальность, которую он описывает), но лишенный будущего, дальнейшего бытования. Этим дальнейшим бытованием занимается фольклористика, которая позволяет проследить вариативность сюжета, его структурные изменения при многократном копировании на разных уровнях, исследуя мемы, анекдоты и прочие «дочерние» тексты, основанные на новостном субстрате [Brunvand 2001; Архипова 2009; Frank 2011; Громов 2012]. Но и она изучает текст только на определенном отрезке его существования — уже после фольклоризации изначального сюжета, т.е. после того, как он встраивается в условную «обойму» фольклорных реагентов. На самом деле это уже другой текст, пусть порожденный новостью, но существенно (сущностно!) измененный под влиянием жанра и узуса. Однако «информационное ядро» во всех вариантах этих вторичных текстов сохраняется, его можно проследить и при трансляции от СМИ к пользователям, и после нее, в процессе циркуляции текста в обществе.

Вот почему хотелось бы обратить внимание на «белое пятно», остающееся вне исследовательского поля зрения — на переход медийного текста в дискурсивное поле сообщества. Как происходит рецепция, как протекает процесс принятия индивидом или сообществом той или иной новости? Какие тексты принимаются средой, а какие отклоняются? Насколько этот процесс доступен рефлексии? Как члены сообщества осмысливают тот факт, что отклоняемый ими текст может быть принят какой-либо другой группой?

Чтобы ответить на эти вопросы, целесообразно обратиться к категориальному аппарату теории фреймов¹, фольклористи-

¹ Не задерживаясь на терминологических спорах в среде социологов, остановимся на прочтении понятия «фрейм», близком И. Гофману [Гофман 2004] и школе микросоциологии В. Вахштайна (в этом случае компромиссным и достаточно показательным выглядит пересказ последним позиции Гофмана: «Фрейм — это одновременно и “матрица возможных событий”, которую таковой делает “расстановка ролей”, и “схема интерпретации” событий субъектами, в них участвующими» [Вахштайн 2004: 180]). Между тем, опираясь на внутреннюю рефлексию социологии над основаниями фрейм-анализа [Вахштайн 2011; Ядов 2011; Сухонослова 2012], отметим, что «фрейм» в этой

ческим методам прослеживания сюжетов и мотивов в текстах медиа и общественном бытовании, а также к элементам дискурс-анализа.

Материалы

Поставленная проблема требует привлечения специфических данных. Интересующие нас механизмы зачастую скрыты от невооруженного глаза исследователя и тем более информанта. Однако существует ряд ситуаций, обнажающих и обостряющих действие этих механизмов: условия социального и политического конфликта вскрывают семиотику коммуникации и делают более наглядными познавательные стратегии, применяемые участниками и свидетелями конфликта для ориентировки в происходящем.

В данной работе будет проанализирован корпус меморатов об украинском политическом кризисе 2013–2014 гг. (так называемый «Майдан» / «Евромайдан»)¹, а также о событиях февраля-марта 2014 г. в Крыму (так называемая «Крымская весна»). 25 глубинных интервью, устных и письменных, взяты у крымчан, проживающих в г. Симферополе и являющихся свидетелями указанных событий. Информанты придерживаются разных политических позиций.

Постановка проблемы

Возможность включения новости в дискурсивное поле общества зависит от ряда условий. На протяжении XX в. к такому относили разные факторы, в принципе, сводимые к двум ключевым: социокультурным особенностям общества и характеристикам самого новостного текста [Зимин 2006]. По-разному решался и вопрос о значимости этих условий. Подобные исследования в первую очередь были нацелены на изучение эффективности избирательных кампаний и успешности воздействия на электорат политизированных новостных выпусков и рекламы [Lazarsfeld, Berelson, Gaudet 1944; Klapper 1960; Weaver et al. 1981]. Уже в достаточно ранних работах доказыва-

траговке начинает экспансию из области анализа социальных взаимодействий в область интерпретативных практик, сближаясь с когнитивистским пониманием (ср. такие понятия, как идея фреймирующего восприятия по Бейтсону, «когнитивная модель» и «фрейм в мысли» Шойфеле [Scheufele 1999; Бейтсон 2000; Пономарев 2010]).

¹ Продолжительные массовые протесты, начавшиеся осенью 2013 г. на главной площади Киева (Майдане Незалежности) по поводу отказа кабинета министров от подписания пакета документов «Соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом», которые привели к столкновениям с полицией и смене власти в стране. Ситуация приобрела масштабы геополитического конфликта (переход Автономной республики Крым под юрисдикцию Российской Федерации, военные действия в восточных областях Украины).

лось, что новость будет воспринята сообществом в том случае, если она будет соответствовать его картине мира. Лазарсфельд с соавторами опытным путем демонстрируют, как при наличии двух конкурирующих друг с другом источников информации (например, работающих в поддержку разных кандидатов на выборах) люди отдают предпочтение тому, который выражает их позицию — явную или латентную. «Пробуждение» латентной политической позиции с помощью СМИ они называют «кристаллизацией», и этим возможности медиа в их концепции исчерпываются: кардинальная смена точки зрения, по их данным, практически невозможна [Lazarsfeld, Berelson, Gaudet 1944]. В таком же ключе высказался и Дж. Клаппер, продолживший разработку проблемы рецепции новостей [Klarper 1960]. На его выводы опираются отечественные исследователи роли СМИ в избирательных кампаниях. «[Э]ффективность воздействия СМИ зависит не столько от существования передаваемого сообщения, сколько от степени соответствия характеристик этого сообщения ориентациям аудитории» [Зимин 2006: 279].

Авторы более поздних работ обращают внимание на манипулятивный потенциал новостной «повестки дня» и отбора событий для сюжета выпуска [Weaver et al. 1981], а также на доминирование элит в общественном дискурсе и медиа [Цаллер 2004]. Это снижает актуальность вопроса о принятии новости обществом, и media studies практически не поднимают его, сосредоточившись на анализе самого новостного текста и приняв презумпцию его манипулятивности. Даже направление reception studies, признающее роль аудитории в конструировании смысла новостей, отводит ей только третье место среди факторов, влияющих на восприятие информации: первые два, в соответствии с моделью одного из ключевых представителей течения К. Йенсена, занимают институция, производящая новости, и ее текст, организованный по законам определенного жанра [Jensen 1986].

Однако актуальные для данной работы идеи находят выражение в теории фреймов, изначально возникшей в границах психологии и когнитивистики и постепенно заимствованной социологией. Процесс соотнесения новой информации с имеющимися у человека ментальными моделями, ситуационными и мировоззренческими клише в этом языке описания называется фреймированием.

Соотнесение сообщения с когнитивными схемами той или иной группы является попыткой вложить это сообщение в границы фрейма, видоизменить до состояния, ожидаемого в рамках «ментального синтаксиса» культуры [Пономарев 2010].

Даже если сообщение не соответствует ожидаемой модели, оно все же будет фреймировано — как искажение реальности, «фейк», попытка ввести реципиента в заблуждение и т.д. В итоге оно все равно будет вписано в целостную картину происходящего, определяемую комплексом ментальных моделей того или иного человека.

Интерпретация новостей фреймирована априори. Однако в ситуации конфликта мы имеем дело с двумя доминирующими потоками информации, исповедующими фреймовый набор двух противоположных фракций. Эти два потока отражают примерно одни и те же события, однако наделяют их противоположными трактовками. С исследовательской точки зрения такая ситуация очень ценна, т.к. дает возможность наблюдать за попыткой людей ориентироваться в альтернативных интерпретациях.

Рассмотрим конструирование информантами картины происходящего, обращая внимание на то, что перед нами процесс соотнесения информации, поступившей извне, с имеющимися у людей фреймами.

Хроника событий

При выделении главных событий конфликта информанты с разными позициями называют одни и те же ключевые точки, вызвавшие у них наиболее острую реакцию:

- 30 ноября 2013 г. — ночной разгон митингующих на Майдане силами подразделения МВД «Беркут» (Киев);
- 18 февраля 2014 г. — пик конфронтации между подразделениями МВД «Беркут» и протестующими. Резкое увеличение количества жертв. Появление информации о снайперах, действующих на Майдане (Киев);
- 22–23 февраля 2014 г. — исчезновение президента Украины В. Януковича из Киева, назначение А. Турчинова и.о. президента, признание Верховной Радой Украины закона «Об основах государственной языковой политики» недействительным¹ (Киев);
- 26 февраля 2014 г. — столкновение проукраинского (крымско-татарского) и пророссийского митингов под стенами Совета министров Крыма (Симферополь);

¹ О негативном восприятии русскоязычным населением Украины деятельности языковой комиссии, собранной для решения вопросов, связанных с отменой закона, см.: [Кумпан 2014].

- 27 февраля 2014 г. — появление «вежливых людей»¹, поднятие российского флага на правительственных зданиях Крыма (Симферополь);
- 16 и 18 марта 2014 г. — референдум о статусе Автономной Республики Крым и подписание договора о вхождении Республики Крым и г. Севастополя в состав РФ.

Таковы основные события конфликта, структурирующие информационное поле респондентов вне зависимости от их политических взглядов.

Рецепция новостей. Рефлексия вопреки фреймированию?

«Подсесть на новостную иглу»

Для того чтобы встроить новость в дискурсивное поле, реципиенту необходимо ее сначала получить. Острый социальный и политический конфликт — ситуация нестандартная для человека, чреватая травмами, материальным ущербом и даже гибелью, и для моделирования целостного представления о ней необходим большой объем информации. Поэтому первым этапом построения новостной картины мира становится усиленное поглощение медиа-контента — проще говоря, сбор материала для дальнейшего фреймирования. Действительно, первое, что бросается в глаза при анализе меморатов, — огромная роль, которую информанты уделяют новостям и информационному потоку в целом. Все без исключения говорят о лихорадочном чтении новостей, просмотре видеоматериалов и о крайней важности этого процесса для ориентирования в происходящем.

За политическими новостями я стала следить только с февраля 2014 г., когда дело коснулось Крыма и моей недостойной головы. Когда во всех социальных сетях, которыми я имела несчастье пользоваться, стали раздаваться откровенно нацистские призывы. Когда напор информационной войны стал таков, что невозможно было успевать вертеть головой и угадывать, с какой стороны ждать подвоха. Когда мои замечательные друзья из Киева написали мне о том, что они уже выезжают в Крым с оружием, и мои близкие, как бы это сказать... тоже не застрахованы². Вот тут я и подседа на новостную иглу [Инф. 3]³.

¹ Распространенное в общественном дискурсе название вооруженных формирований без опознавательных знаков и знаков различия, чье внезапное появление в конце февраля 2014 г. на территории Республики Крым способствовало ее переходу в границы Российской Федерации.

² Привлекает внимание неназванный, но развернутый мотив «поезда дружбы». Не имея возможности останавливаться в данной статье на истории этого сюжета, отметим только, что он восходит еще к крымским событиям 1991 г.

³ Здесь и далее при цитировании материалов интервью сохранены орфография и пунктуация оригинала; подчеркнуты фрагменты, наиболее важные для подтверждения моей мысли.

Отметим формулировку «новостная игла», а также обратим внимание на выражение «информационная война», характерное для семиотической системы украинского кризиса еще до начала антитеррористической операции в восточных областях (например, оно встречается в популярных мемах «диванные» или «интернет-войска»).

В текстах интервью все время звучат два лейтмотива: скорость и объем поступающей информации в режиме реального времени, а также страх информантов оказаться без сведений о постоянно меняющейся ситуации:

Что касается мониторинга развития событий, то наши революционные реалии дали фору любым бывшим и будущим телешоу и во многом на него походили. Веб-камеры транслировали картинку в реальном времени, новостные каналы исправно выдавали хронометраж событий, а аналитические ресурсы штамповали обзорные статьи. Все это я воспринимал, потому как не читать было невозможно. Выпасть из контекста разворачивающихся событий было сродни страху оказаться слепым посреди магистральной дороги, или на футбольном поле, где вот-вот начнется игра, или на поле боя, что ближе к буквальному страху, который тогда зрел [Инф. 1].

Информанты говорят о том, что они усиленно погружались в мощный новостной поток по собственной инициативе. После безуспешных попыток разобраться в происходящем с помощью медиа, они убеждаются в том, что объем информации избыточен и с трудом поддается переработке. В ответ на это, как ни удивительно, люди только увеличивают потребление новостей: смотрят трансляции, ищут новости по хэштегам и т.д.:

[М]ы засыпали под прямые эфиры с Майдана и просыпались под них же. Я много читала и смотрела, спрашивала мнение знакомых и близких, пыталась вникнуть и понять, что происходит. Начиная с декабря и заканчивая апрелем я буквально жила в социальных сетях [Инф. 6].

Этот поиск информации при ее изначальной избыточности кажется парадоксальным. Но ситуация станет яснее, если мы снова обратимся к словам информантов:

[Как вы следили за разворачиванием событий?] С помощью интернета. <...> Я пытался понять, что же на самом деле происходит [Инф. 7].

Подобные высказывания свидетельствуют о том, что у информантов складывается представление о необходимости вторичной обработки информации из СМИ — «расшифровки», попытки выяснить, что под ней скрывается «на самом деле».

Информанты рефлексиируют над предвзятостью и поляризацией новостных каналов, ориентированных на противоположные аудитории. Это существенный момент, т.к. если человек сталкивается с тем, что та или иная интерпретация новостей выгодна одной из политических фракций, он находится на пути выявления не только фильтров СМИ, но и своих собственных.

Все каналы поделились на два лагеря. Каждый пытался протолкнуть побольше своей позиции, перекричать друг друга [Инф. 11].

Поляризация новостных дискурсов приводит к представлению о необъективности СМИ, причем как «чужих», так и «своих».

«Я не знаю, где правда»

В следующих текстах эксплицируется представление о том, что на материалах СМИ невозможно установить истину — вплоть до сомнения в самом ее существовании.

А вот интернет безбожно врал. Врал обо всем. Стало неясно, где же правда тогда? И я перестала воспринимать интернет-ресурсы как правдивый источник. Правды нам не узнать — слишком мы мелкие пешки [Инф. 9].

Я не знаю, где правда и есть ли она вообще [Инф. 6].

Более того, рефлексия информантов распространяется не только на объективность новостного потока, но и на свою зависимость от него. Понимая опасность подчинения своего информационного пространства СМИ, они отмечают это в нарративах:

Соб.: *А кто тебе рассказывал, что они [пассажиры «поезда дружбы»] приезжали?*

Инф. 12: *Да я не помню, в новостях я прочитала... Я читала новости все время. Ну да, я читала новости, да. Хотя я выбирала сайты.*

Прагматически этот текст является своего рода признанием. Двойное согласие «ну да, я читала новости, да» является как бы ответом на невысказанный вопрос интервьюера и может читаться как «да, я понимаю, что они не объективны». Подтверждением этого предположения является и следующая за двойным соглашением фраза «Хотя я выбирала сайты». Так информант пытается компенсировать недостоверность новостей попыткой аналитического подхода к выбору источников.

Надо отметить, что абсолютное большинство событий, сформировавших такое мое отношение, дошли до меня через СМИ, впрочем, как и до многих других... [Инф. 1].

Интересно, что и в этом, и в предыдущем нарративе информанты рефлексируют по поводу необъективности новостей сами, без дополнительного вопроса исследователя, что свидетельствует об актуальности этой проблемы для них и их коммуникативной среды.

От рефлексии над необъективностью новостей респонденты идут дальше. Люди стремятся снять противоречия между двумя информационными потоками попыткой сверить новости.

«Смотреть на все глазами разных людей»

В процессе освоения новостей происходит сознательное погружение людей не только в свой, но и в чужой дискурс¹. Представление о существовании альтернативной системы объяснения «сбивает настройки», т.к. ее носителями являются друзья, знакомые и даже члены семьи. Кроме того, интерпретативный потенциал «своих» новостных источников ограничен, а выше мы уже установили факт рефлексии информантов над необъективностью СМИ, в том числе и условно «своих».

Довольно интересно было следить за блогами и новостными агентствами, а надо сказать, что сканировала я ленты, обслуживающие самые разные политические силы [Инф. 3].

Я перестал спать и круглосуточно стал следить за новостями <...> [В Твиттере] я создал себе крымскую колонку, создал себе украинскую колонку и создал российскую колонку — это позволяло мне смотреть на все глазами разных людей [Инф. 14].

Факт «сверки новостей» открывает нам важную характеристику информационного поля в крымском конфликте. Он говорит о том, что люди владеют обеими системами интерпретации происходящего — как системой пророссийской, так и системой проукраинской стороны, т.е. свидетельствует о знакомстве людей с обоими вариантами фреймирования.

¹ Здесь уместно обратить внимание на идущую в настоящий момент дискуссию о принципиальной возможности встречи противоположных политических позиций в социальных сетях — даже не во время политических конфликтов, а в относительно нейтральных ситуациях. Структура Facebook'a такова, что, как предполагает, например, Илай Парайзер (Эли Паризер), человек видит в ленте новостей исключительно «свою» информацию, отобранную благодаря использованию социальной сетью «истории лайков» и предпочтений пользователя (так называемый «пузырь фильтра») [Паризер 2012]. С Парайзером полемизируют ряд исследователей, например Э. Бахши, С. Мессинг и Л. Адамик, которые, будучи сотрудниками Facebook'a, проанализировали проницаемость «пузыря» и пришли к выводам о существовании приблизительно 20 % идеологически чуждой информации в ленте пользователя [Bakshy, Messing, Adamic 2015]. На данный момент дискуссия открыта.

Владение чужим дискурсивным полем

Информанты с противоположными точками зрения в интервью регулярно цитируют чужую позицию, часто демонстрируя владение дискурсом оппонентов.

Для примера проанализируем экспликацию модели потерянной родины в нарративе сначала проукраинского, а затем пророссийского информанта, не знакомых друг с другом:

Единственное, что меня печалит, так это то, что теперь у меня нет родины, я любил страну, в которой я родился и жил, а теперь она меня «продала», и я вынужден жить в стране, которая меня «купила» и еще неизвестно что лучше. Я человек без родины. Мне осталась только земля, на которой я живу [Инф. 13].

Через несколько недель я потеряла до половины университетских приятелей — меня очень утомило вместо обсуждения книг и учебы <...> слушать треносы¹ на тему «злые русские отняли у меня Родину» [Инф. 3].

Перед нами — почти точное цитирование стереотипа абстрактного оппонента. Несмотря на то что в вопросе вины за «отнятие родины» тексты предлагают варианты, основная мысль сохранена. Информант 3 четко выделяет один из ведущих мотивов в реакции абстрактных оппонентов, т.е. имеет представление об аргументах и основных «болевых точках» противоположной стороны конфликта.

В приведенных ниже фрагментах текстов о школьном образовании в Крыму мы видим то же явление: первое высказывание довольно точно воспроизводится носителем противоположной точки зрения. При этом также необходимо учесть, что информанты друг с другом не знакомы.

Мы учили русскую литературу в рамках курса всемирной, на нее отводился какой-то совсем небольшой раздел — в общем салате из немецкой, французской, английской, испанской или латиноамериканской. Так что у меня до сих пор тотальные белые пятна, и я вряд ли смогу объяснить детям, почему весь русский критический реализм — как там? — вышел из «Носа» Гоголя. Или из «Шинели»? Черт, ведь позор же, это Вам аспирант говорит [Инф. 11].

Удачный пример абсурдных высказываний. На вопрос: «Ну в каком месте русских в Крыму притесняли?!» я получила ответ: «При-

¹ Информант использует слово «треносы» в значении «плачи». Тренос (др.-греч. 'плач') — погребальное пение над усопшим в Древней Греции. В Византии термин означал надгробную речь над покойником, а также литературные произведения подобного жанра.

тесняли. Вам в школе урезали программу по русской литературе». Ну да, моя личность однобоко сформировалась без еще десятка произведений о страдающем русском народе [Инф. 10].

При довольно точном воспроизведении «узнаваемых» элементов модели: устойчивой лексики, структуры аргументации и т.п. — в каждом таком цитировании наблюдается смысловое искажение. Этим небольшим, но существенным переименованием, вероятно, и объясняется факт их тиражирования носителями другого дискурса. Однако нас интересует другой момент: для подобного «пародирования» необходимо знание чужой объяснительной системы, позволяющее приводить используемые оппонентом аргументы и набор мотивов. Таким образом, перед нами еще одно подтверждение того, что люди, попавшие в ситуацию поляризации общества, достаточно хорошо знакомы с обеими системами фреймирования происходящих событий. Значит ли это, что они используют их как взаимозаменяемые?

Нет, этого не происходит. Потому что, несмотря на все описанные выше попытки аналитического подхода информантов к новостям, их позиция по отношению к конкретным новостным поводам формируется практически сразу после столкновения с ними. Это противоречит складывавшемуся до этого образу рефлексивного пользователя новостных ресурсов, сверяющего новости, владеющего обеими системами интерпретации и осознающего необъективность СМИ. Однако материал говорит именно об этом: синхронно происходят два процесса — внешняя попытка анализа и в то же время нерефлексивное внутреннее фреймирование. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Рецепция новостей. Фреймирование вопреки рефлексии

Одна новость — две интерпретативные модели

Ночью 30 ноября 2013 г. произошло событие, вызвавшее широкий общественный резонанс: силами милицейского подразделения «Беркут» на Майдане Незалежности в Киеве были разогнаны митингующие. На тот момент протест длился уже больше месяца и широко освещался в СМИ. «Очистка» площади была заснята на видео участниками акции, в частности находившимися в числе митингующих журналистами. В ту же ночь кадры появились в интернете, к утру новость стала одной из самых обсуждаемых тем. О масштабах ее резонанса говорит следующий факт: подавляющее большинство информантов утверждают, что именно с нее для них начались события украинского кризиса.

В итоге у нас есть новость, освещающая конфликт между Х и Y, между «Беркутом» и митингующими. Канал ее распространения один¹ — приведенные ниже два нарратива принадлежат молодым людям, смотревшим в социальной сети ВКонтакте одно и то же видео, о котором они упоминают в интервью². Интервьюирование проведено с каждым информантом по отдельности, новость поступила к ним независимо друг от друга. Обратим внимание на то, как они трактуют отношения между Х и Y и в целом фреймируют происходящее.

Информант 14, сталкиваясь с новостью о разгоне, однозначно принимает сторону протестовавших:

X→Y

***Инф. 14:** [Для меня все началось,] когда на площади побили тех студентов. Это был момент, когда майдан сам по себе начал угасать, так сказать, потому что он не приносил никаких плодов, все люди разуверились и разошлись. И на майдане осталась какая-то кучка студентов в палатках. И это... суббота, ночь... И тут выходит ночью не помню кто, какая-то силовая структура, по моему, тот же «Беркут», и начинает всех избивать... и это знаменитое видео, как там кричат «За що, за що?!», а их там мутузят. Палками. Прогоняют. <...> Сколько бы ни было прилеплено объяснений, они меня не устраивали и отвергались. Было важно, что сам факт — побили. За что, они не выказывали никаких поводов <...> Я понимал этих людей, понимал частично правительство, которое не хочет допустить подобных мероприятий и как бы и с той, и с другой стороны события и действия были достаточно санкционированы. То есть как бы мораль народа — она отличается от морали государства. Меня привлекала больше мораль народа. <...> Если взять так общую панораму и осмотреться, мне хотелось быть — и я был на стороне... с оговорками, с огромным количеством оговорок, но тем не менее... на стороне киевского майдана.*

Соб.: А что тебя привлекало больше всего из того, за что они стояли?

***Инф. 14:** Очень такое первобытное, инстинктивное — «наших бьют», то есть когда ты чувствуешь, что есть некое вражеское*

¹ Утверждая, что канал поступления информации в данном случае один, стоит оговорить следующий момент. Естественно, что видео было просмотрено с разных страниц в социальной сети, на которых сопровождалось разным текстом и комментариями. Восстановить их влияние на отношение информантов к новости уже невозможно, однако, вероятно, им можно пренебречь при подтверждении гипотезы данной статьи: информант 11 утверждает, что увидела видео на странице давней подруги, т.е. человека с достаточно сходной парадигмой, которая вместе с тем приняла позицию митингующих и подавала информацию с «их» стороны. Это, однако, не помешало информанту 11 отнестись к видео совершенно иначе.

² После завершения интервью упомянутое видео было найдено автором статьи на портале youtube.com, и оба информанта независимо друг от друга опознали его как исходное.

тело — власть, которое несанкционированно действует по поводу своего народа. Народ тоже делает не все хорошие вещи, но первый триггер стал пущен тогда властью, когда произошло избиение студентов безосновательное... и это стало тем первым аргументом, который вел меня и далее.

Информант 11, используя тот же новостной повод и опираясь на тот же источник информации (то же самое видео), приходит к противоположным выводам на основании другой системы фреймов. В этой интерпретативной системе у «Беркута» появляется повод к очистке площади, т.е. инициаторами конфликта становятся митингующие, а силовики всего лишь дают отпор:

$X \Leftrightarrow Y$

Лично для меня майдан начался с постов моих проукраинских друзей о беспределе на майдане — об избиении студентов в ноябре 13 года <...> Моя давняя подруга <...> запостила видео с избиения этих студентов, которое случилось ночью, вернее, почти утром, в 5 утра. В комментариях (её ли, кого-то еще) постоянно муссировалось, что там были беременные молодые женщины и несчастные хрупкие юнцы, которые не могли дать отпор. <...> что-то все это действительно походило на жалостливые байки. Я помню, мое мнение было скорее: выходя на митинг, ты отдаешь себе отчет, что вступаешь в открытое противодействие. И знаешь, на что идешь. Так какого фига, да, идти туда тем, кто от первого сопротивления со стороны власти готов громко рыдать в социальных сетях? И тем, кому вообще нельзя попадаться под резиновые дубинки? Да, эти беременные засели у меня в голове, признаю.

В общем, пафос подруги на странице я не разделила. Тем более что там, кажется, было какое-то объективное обоснование для разгона, то ли у них срок акции кончался, то ли еще что. Не знаю, не ручаюсь.

Ребята стояли студенты, это факт. Необразованные романтики <...>. И в голову же никому не приходит, что сидит там тот, кто тебя или не услышит, или вообще не примет в расчет — у него свои интересы и свое брюхо с кошельком. Эта сторона ВООБЩЕ не заточена под слушание человек <...>. Вы видели нашу власть вообще? Ха. У нее другой функционал. Самонасыщение и самообогачение... ценности другие, чем у студентиков. <...> На креативные плакаты и инсталляции поведутся другие студентики, ибо на их языке сказано. А власть неспособна перекодировать эти знаковые системы. Так что я скептически отнеслась и к студентикам, и к их разгону <...>. Потом, после этого разгона, все как-то вяло булькало: вроде и температура кипения, народный гнев, все дела, но вспышки не было еще [Инф. 11].

В первую очередь бросается в глаза мотив «избитых беременных». Перед нами уже знакомое нам цитирование «чужого» дискурса: сторона, поддерживавшая митинговавших, действительно апеллировала к этим образам. Представление о хрупкости майдановцев, их неспособности дать отпор силовикам или же представление о *представлении* их таковыми фигурирует во всех интервью. Перед нами — мотив жертв, в гипертрофированной форме превращающихся в избитых беременных, а в более сдержанном виде представленный в образах студентов («Студенты там ля-ля-ля на майдане» [Инф. 12], уменьшительная лексема «студентики» или частотная формулировка «они же дети», не вошедшая в приведенные выше фрагменты, но встречающаяся в других интервью).

В ряде нарративов фигурирует видео — «знаменитое», как говорит первый информант, — положившее начало проникновению событий Майдана в личное восприятие информантов. Действительно, крик «За що?», впечатавшийся в память одного из цитировавшихся выше информантов, был зафиксирован на ролике, снятом популярным революционным журналистом М. Найемом, выложенном «по горячим следам» на ряде каналов [Разгон #Євромайдан 2013] и набравшем более миллиона просмотров. Канал SlivKi YouTube выложил еще одно популярное видео, частично повторяющее визуальный ряд первого и сопровождаемое упоминанием беременных женщин в описании [SlivKi 2013]. Кроме того, этот образ встречается в статьях на новостных ресурсах «24» [Кривава субота 2013] и «Факты» [Міліція розповіла за що віддубасила жінок і старих на Євромайдані 2013].

Однако вернемся к восприятию новости. Чистота схемы соблюдена, новость попала в поле зрения информантов по одному и тому же каналу (видео М. Найема), до нее они практически не интересовались новостями о событиях в Киеве. Кроме того, информанты теоретически владеют обеими системами интерпретации, возможными в Крыму на тот момент (знакомы с крымским и украинским телевидением, включены в одинаково неоднородную культурную среду, о чем говорит наличие друзей с иной системой фреймирования). Несмотря на это, связи между X и Y конструируются (исходя из одного и того же источника!) по-разному, и интерпретация события в двух нарративах прямо противоположна.

Что повлияло на такое противоположное фреймирование новостей? Очевидно, что у информантов, несмотря на близость социальных статусов¹, коренным образом разнятся интерпре-

¹ Они оба являются коренными крымчанами, относятся к одной возрастной категории и учатся в аспирантуре на одном и том же факультете по гуманитарным специальностям.

тативные модели, в которые вписывается новость. Рассмотрим это подробнее. Из текстов видно, как после описания произошедшего (обозначения субъектов действия, указания времени и места происходящего) информанты переходят без какого-либо уточняющего вопроса к проблеме оправданности или неоправданности действий «Беркута» и в целом границ прав власти и народа.

Фреймирование новости-1

Начнем с текста информанта 14. Он поддерживает митингующих, по его же собственным словам, не из-за их политических требований, а из-за их зависимости от власти (хотя бы на физическом уровне). Они, обладающие кардинально меньшими ресурсами, чем власть, подверженные риску физического устранения с площади, вызывают его симпатию как более слабая сторона, имеющая изначально меньше шансов в противостоянии и, одновременно с этим, близкая информанту: «Было важно, что сам факт — побили»; «наших бьют».

Образно говоря, перед нами конфликт Давида и Голиафа, где информант симпатизирует более слабому — с ожиданием его победы вопреки «расстановке сил».

Кроме того, действия митингующих представляются информанту предпочтительными по сравнению с поведением властных структур еще и потому, что протестующих он соотносит с понятием народа. Информант 14 сам эксплицирует данную модель в этих терминах: «вражеское тело власти», которое «несанкционированно действует по поводу своего народа»; «мораль народа — она отличается от морали государства». Однако денотат этих понятий не всегда очевиден, во многом в силу долгого и противоречивого бытования слова «народ» в политическом дискурсе разных уровней. Какой именно народ имеется в виду? Общее число носителей гражданства, этническое образование или общественные массы (в противовес элите)? Все эти понятия выражаются одной лексемой, и разница значений практически не рефлексивируется носителями дискурса [Соколовский 2008] (подробно останавливается именно на этом вопросе Е. Бартминский в работе «Языковой образ мира» [Бартминский 2005]). Такое смешение денотатов слова «народ» характерно не только для украинского политического текста, но и в целом для европейской (и, шире, мировой) системы национальных государственных аппаратов. Не имея возможности останавливаться на аспектах осмысления информантом «воображаемого сообщества» нации [Андерсон 2001], отметим только актуальность этого конструкта для него. Кроме того, обратим внимание на прочтение киев-

ского конфликта через фрейм социального противостояния, «Револуції гідності» (достоинства), своеобразного «сбрасывания ярма эксплуататоров» [Авер'янова 2014; Кегеян, Ворожбитова 2014; Лозунги Майдана 2014; Мусієнко 2014].

Для доказательства присутствия в сознании информанта модели *национального*, определяющей фреймирование новости о студентах, обратимся к другому фрагменту интервью¹:

Соб.: *Все пели* [гимн]?

Инф. 14: *И я пел! Даже никто не слышал когда. Все равно это было очень приятно, и я вдруг почувствовал причастность... к символу, чего со мной никогда не случалось, к чему-либо через символ. Ну никогда со мной такого не было — меня сложно на что-то пробить <...>. Она стала действительно сакральной для меня, эта песня, этот гимн. И я в первое время, когда уехал в Крым, я не мог его слушать, потому что я считал, что не имею права, потому что я оставил своих друзей и своих ребят [на майдане]. Мне хотелось плакать и забиться куда-то, потому что частично вину за их смерть я брал на себя. Он врезался в меня очень глубоко. До сих пор я не считаю себя украинцем в полной мере, потому что, по всей видимости, я такой русский переселенец, который там в каком-то веке восемнадцатом-девятнадцатом приехал в Херсонскую область, мой род, и украинизировался, то есть я наполовину русский, наполовину украинец, и моя самоидентификация этническая, она во многом космополитична <...>. [Флаг] стоял рядом со мной на посту, это меня подбадривало, потому что как бы чувствуешь некий бэкграунд, что ты стоишь не просто так, сам себе боярин, а за тобой стоит... определенные смыслы.*

Что же касается модели социального противостояния, то народ (в смысле общественных масс) и государство в представлении информанта имеют разную «мораль», причем народная мыслится как правая и положительная, а властная — как негативная и подавляющая. Естественно, что акт насилия со стороны государства (разгон майдана) воспринимается информантом именно в рамках схемы взаимной борьбы «власти и народа».

Показательным является постепенное разворачивание этой модели в нарративе: если сначала информант говорит о том, что «и с той, и с другой стороны события и действия были достаточно санкционированы» и что он «понимал этих людей и понимал частично правительство», то в конце текста дискурс обостряется, попытка оправдать правительство сходит на нет, и информант говорит уже о «несанкционированности»

¹ Этот фрагмент касается уже периода присутствия информанта на Майдане (конец января 2014 г.).

и «безосновательности» поступка власти, вопреки своим предыдущим словам.

Итак, рассмотрев и конкретный нарратив, порожденный новостью о 30 ноября, и, в очень сжатом виде, дискурс информанта, мы можем подтвердить факт определяющего характера «до-новостных» представлений человека при фреймировании новости — несмотря на все попытки внешней аналитики.

Фреймирование новости-2

Нарратив о той же новости информанта 11 также эксплицирует оппозицию «власть — народ»: «[В]ыходя на митинг, ты отдаешь себе отчет, что вступаешь в открытое противодействие. И знаешь, на что идешь». Однако эта оппозиция приводит девушку к противоположным результатам фреймирования. Несмотря на то что новость о разгоне студентов оказалась первой в ее дискурсе вокруг майдана и получила она ее таким же путем, что и информант 14, модели, в которых она осмысляет новостной факт, совершенно иные.

Показательно, что для информанта 11 применение насилия со стороны государства в этой конфронтации выглядит естественным, а непонимание митингующими последствий конфликта вызывает недоумение и даже раздражение. Мем про беременных она принимает на веру, однако он вызывает у нее не жалость, как у «запоставшей новость подруги», а комплекс негативных эмоций по отношению к безответственным женщинам. Наконец, ее неприятие вызывает «знаковая система» коммуникации с властью — отметим, что информант владеет терминологией медиа-анализа и считает неэффективным применение языка, используемого митингующими. При этом в ее картине мира власть, занимающаяся «самообогащением» и обладающая правом насилия, представляется чем-то естественным, не требующим (или не поддающимся) ликвидации.

Выявить ее определяющие фреймирование новости модели, возможно, помогут следующие фрагменты письменного интервью:

Ребята стояли студенты, это факт <...>. Не думающие о том, «как», не думающие о том, «какой ценой» это все обернется. Детское дело, на самом деле, все эти митинги: ты, не меняющий мир вокруг себя к лучшему, выходишь на площадь и кричишь Самому Главному: Эй, ты, сделай так, чтобы мне было хорошо! Сделай так, чтобы все совсем стало прекрасно! Хочу и требую! <...> Что за бред там говорили про тиранию Янька? Ничем она не страшнее была всех предыдущих президентских «тираний». Оно не стоило крови и не стоило таких масштабных митингов. За что

стояли? И какая альтернатива ими предлагалась? Никакой. Чесслово, один мудак не лучше другого. Лучше бы эти студентики что-то хорошее вокруг себя сделали. А взяточничество и беспредел милиции митингом не исправишь [Инф. 11].

Очевидно, что в политических протестах информант видит угрозу стабильности общества: «Не думающие о том, “как”, не думающие о том, “какой ценой” это все обернется». Митингующие в ее представлении выступают несознательными детьми («детское дело»), «необразованными романтиками», репрезентируются уменьшительной (уничижительной?) лексемой «студентики», на которую мы уже обращали внимание. Их деятельность кажется ей бессмысленной по трем причинам: во-первых, из-за непродуманности самого протеста: «За что стояли? И какая альтернатива ими предлагалась? Никакой» (сюда же можно отнести и представления информанта о неэффективности языка коммуникации с властью, т.е. ее неодобрение методологии майдана).

Во-вторых, явно звучит идея несоответствия масштабов ситуации затрачиваемым усилиям: «Что за бред там говорили про тиранию Яныка? Ничем она не страшнее была всех предыдущих президентских “тираний”. Оно не стоило крови и не стоило таких масштабных митингов».

А в-третьих, информант 11, видимо, в целом считает сам путь протестной деятельности бессмысленным. Несмотря на наличие у нее паттерна о борьбе народа с властью («выходя на митинг, ты отдаешь себе отчет, что вступаешь в открытое противодействие. И знаешь, на что идешь»), она считает эту деятельность бесплодной и напрасной. Альтернатив правящим лицам она не видит и выражает это пейоративной лексикой, сначала якобы ограниченной зачеркиванием¹, а затем не скрываемой никакими средствами («~~Все мудаки~~ все идиоты и все друг друга стоят»; «Чесслово, один мудак не лучше другого»).

Как альтернатива модели информанта 14 (протест как способ улучшения общества), в тексте интервью с информантом 11 фигурирует идея личной ответственности за «свой» мир, в котором все будет хорошо, если приложить к этому усилия.

Эта модель — модель изменения «мира вокруг себя» — является инверсивной по отношению к рассмотренной нами ранее модели информанта 14. Сложно установить ее генезис, потому что она, видимо, не слишком сильно включена в системы по-

¹ О зачеркивании как приеме языковой игры см.: [Пиперски, Сомин 2014].

литических идеологий, однако, очевидно, бытует на «горизонтальном» уровне общественного устройства.

Итак, на основании вышеизложенного анализа гипотеза об определяющей роли доновостной парадигмы в формировании отношения к новости представляется в значительной мере обоснованной.

Возвращаясь к заявленной в начале статьи проблематике, попытаемся ответить еще на два вопроса.

«Внешняя рефлексивность» vs «неосознанное фреймирование»

Попытка аналитического, пусть частично, подхода к новостям, их сопоставление, осознание необъективности СМИ должны были, казалось бы, ликвидировать противоположные векторы фреймирования, привести к взаимообмену интерпретациями и деполяризовать информантов, однако этого не происходит. Почему? Видимо, потому, что эта попытка аналитики — внешняя по отношению к нерелексируемому глубинному фреймингу.

Эта проблема «внешней рефлексивности» не может быть в полной мере исследована в настоящей работе. Однако можно предположить, что подобная рефлексия простимулирована неестественно обостренной дихотомией новостных картин, и искусственной ее назвать никак нельзя: информанты искренне и эмоционально переживают осмысление необъективности СМИ и проблему конструирования ими реальности. От этой рефлексии — полшага до осмысления собственных моделей фреймирования, но эту дистанцию они не преодолевали. Информант 14, рассуждающий о причинах своего восприятия государственного флага, пытается объяснить социальную обусловленность соответствующего политического выбора, но подменяет ее примордиалистскими конструктами.

Наконец, последний вопрос, который хотелось бы осветить, касается того, как происходит фреймирование новостей, которые не просто по-разному интерпретируются в обоих дискурсах, но категорически противоречат одному из них. Как показывает материал, в таком случае новостной посыл воспринимается как ложный. Вопрос его встраивания в дискурсивное поле остается открытым — очевидно, что вера в правдивость текста не является единственной гарантией его трансляции в культуре. Между тем, предполагая дальнейшую фольклорную судьбу «непринятой» новости в отторгнувшем ее дискурсе, вероятным представляется ее юмористическое или негативное осмысление традицией. Рассмотрим последний кейс, иллюстрирующий процесс фреймирования новостей, не соответствующих картине мира информанта.

«Я сразу понимала, что это провокация»

Следующий нарратив из-за своей наглядности может служить заключительным примером к вышеприведенным рассуждениям:

Инф. 12: *Тогда все, все следили за новостями. Я утром... у меня утро начиналось с того, что я заходила в интернет и включала новости. Потому что каждый, вот начиная где-то с начала февраля, каждый день я читала новости — да, уже вот тогда уже это меня интересовало и волновало. И как сказать... насчет «Небесной сотни» — да, вот эта вот «Небесная сотня», которая тогда стала звучать, — скажем, я никогда в это... не верила — ну, в плане того что я понимала, да, что людей убили, я потом посмотрела ролик про то, как это было — но я сразу понимала, что это провокация...*

Соб.: *Кстати, а откуда была фишка про «поезда дружбы»?*

Инф. 12: *Ну, это было из новостей. И по поводу «поездов дружбы» я вполне верю, что они-таки приезжали в Севастополь и что их там встретили, и поэтому они уехали, то есть это вполне вероятно.*

Соб.: *А кто тебе рассказывал, что они приезжали?*

Инф. 12: *Да я не помню, в новостях я прочитала... Я читала новости все время. Ну да, я читала новости, да. Хотя я выбирала сайты <...>. Я читала разные новости: и те и те, и за и против, просто я выбирала из них — факты <...> Ты там прочитала, здесь прочитала, и ты можешь логически вычислить, что из этого правда, что неправда.*

Мы уже рассматривали фрагмент из этого интервью. Информант говорит о двух мотивах, полученных ею из новостей: о «Небесной сотне» и о «поезде дружбы». И та, и другая информация попала к ней сходным путем — через интернет-СМИ. Однако отношение к ним у нее противоположное.

Выше уже приводились примеры попыток осознанного подхода к чтению новостей и их сверки. На том же основании выстраивается убежденность информанта в «логическом вычислении правды» (к слову о проблеме «внешней рефлексивности»). Однако при анализе нарратива становится ясно, что свое отношение к «Небесной сотне» и «поезду дружбы», имеющим в информационном поле одинаковую степень неподтвержденности, она выстраивает не на основании анализа новостной ленты. Ведущим принципом отбора «фактов» для нее становится их соответствие ее собственной картине мира.

Характеризуя свое отношение к «Небесной сотне», информант говорит о неверии (sic!) в это событие (вернее, в его точное соответствие действительности), несмотря на тиражирование в но-

востях и специальный просмотр ролика. Явно видно действие пресуппозиции: «[Я] сразу понимала, что это провокация».

Однако в симметричной ситуации в нарративе — в случае с «поездом дружбы» — фигурирует прямо противоположная оценка. Примечательно, что здесь тоже используется нерелексированная лексика «верю — не верю», несмотря на установку на логическое вычисление. И в данном случае установки на вероятность («то есть это вполне вероятно») оказывается достаточно для формирования мнения.

* * *

Итак, механизм восприятия новостей в поляризованном обществе можно представить следующим образом. Мощный информационный поток становится источником тиражируемых новостных фактов. Они доступны всем свидетелям и участникам конфликта, что подтверждается многочисленными примерами владения информантами дискурсом их оппонентов. Несмотря на это, действительного применения чужих моделей для интерпретации происходящего не наблюдается, апелляция к чужому дискурсу имеет место при пародировании противоположной точки зрения, и только. Это рассмотренное нами «псевдочитирование», хоть и использует (практически дословно) чужой дискурс, но никогда не обращается к нему для полноценной трактовки происходящего, т.е. являет собой исключительно полемический прием. Рефлексия над противоречием дискурсивных полей приводит к попыткам аналитического подхода к новостям, однако остается на уровне «внешней».

Новость же, укладываемая в «свои» интерпретативные модели, фреймируется на их основании, приобретая вид, не противоречащий общей картине мира человека. Если она не соответствует набору моделей и объяснительных схем, то, образно говоря, тем хуже для новости: она начинает восприниматься как подлог, «фейк» или провокация. Иными словами, можно сказать, что фреймирование новостей зависит от «доновостных» установок и ментальных моделей человека.

Резюмируя, повторим, что информанты считают истинными те новости, которые соответствуют их онтологическим и аксиологическим представлениям и базовому набору интерпретативных моделей. Таким образом, восприятие новостей предопределено условиями среды и, вероятно, в меньшей мере зависит от характеристик самой новости. Данный вывод оказывается особенно актуальным в свете распространившихся в массовом сознании представлений о «зазомбированности» аудитории новостных ресурсов и переноса ответственности за формирование картины мира на медиатекст.

Источники

- Авер'янова Н.* Образотворчість Євромайдану як вияв національної гідності українців // Українознавчий альманах. 2014. Вип. 6. С. 207–211.
- Жестокие события на киевском майдане в ночь с 29 на 30 ноября 2013, кровь и штурм на Евромайдане // SlivKi YouTube. 30.11.2013. <<http://www.youtube.com/watch?v=QSb8uozxVpM>>.
- Кривава субота: 30 листопада у фактах (Фото. Відео) // 24 канал. 01.12.2013. <http://24tv.ua/news/showNews.do?krivava_subota_30_listopada_u_faktah_foto_video&objectId=388037>.
- Лозунги Майдана // Радио Азатутюн. 20.03.2014. <<http://rus.azatutyun.am/media/photogallery/25303622.html>>.
- Міліція розповіла за що віддубасила жінок і старих на Євромайдані. Міліція проти народу // Факти. 2013, 30 листопада. <<http://fakty.ictv.ua/ua/index/read-news/id/1495407/>>.
- Мусієнко Н.* Мистецтво майдану. Дослідження з соціокультурної антропології // МІСТ: Мистецтво, історія, сучасність, теорія: Зб. наук. пр. з мистецтвознав. і культурології. / Голова редкол. В.Д. Сидоренко, гол. ред. О.О. Роготченко, заст. гол. ред. А.О. Пучков. Київ: Фенікс, 2014. Вип. 10. С. 155–192.
- Разгон #Євромайдан // Mustafa Nayyem. 30.11.2013. <<http://www.youtube.com/watch?v=NiT0zcDA9RU>>.

Библиография

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 287 с.
- Архипова А.* Традиции и новации в анекдотах о Путине // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 181–251. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/010/10_02_arkhipova.pdf>.
- Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Пер. с пол.; отв. ред. и сост. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2005. 512 с.
- Бейтсон Г.* Теория игры и фантазии // Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. 1969–1972 / Пер. с англ. Д.Я. Федотова и М.П. Папуша. М.: Смысл, 2000. С. 205–220.
- Бурдые П.* О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой. М.: Прагматика Культуры, 2002. 160 с.
- Быкова О.Н.* Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации / Под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Красноярский гос. университет, 2000. Вып. 1(9). С. 42–53.
- Вахштайн В.С.* Книга о «реальности» социальной реальности [Рец. на кн.:] Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003 // Социологический журнал. 2004. № 3–4. С. 178–187.

- Вахитайн В.С.* Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2011. 333 с.
- Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. 751 с.
- Громов Д.В.* Пожары 2010 года в фольклорном осмыслении // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. Вып. 15. Стратегии и практики полевых исследований: Сб. научных статей / Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова; отв. ред. А.С. Каргин. С. 286–311.
- ван Дейк Т.А.* Анализ новостей как дискурса // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ / Сост. В.В. Петров; пер. с англ. под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 113–121.
- Душакова И.* От newstore к news и обратно: история одного мема // Newstore и medialore в современном мире: фольклоризация действительности: Тез. докл. междунар. науч. конф. Москва, РАНХиГС, 3–4 апреля 2015 / Сост. А.С. Архипова, М.И. Байдж; ред. М.А. Ахметова. М.: Издательский дом «Дело», 2015. С. 100–103.
- Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д.* Проблемы конструирования реальности в процессах массовой коммуникации: гипотеза “agenda-setting” // Научный ежегодник Института философии и права УрОРАН. 1999. № 1. С. 142–160.
- Зимин М.В.* Эффективность медиатизированной массовой коммуникации в избирательном процессе: теоретические модели и электоральная практика // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского гос. аграрного университета. 2006. № 20. С. 276–295. <http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/1522/39_23.pdf?sequence=1>.
- Кегеян С.Э., Ворожбитова А.А.* Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма). 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2014. 122 с.
- Кумпан Е.Н.* Украинский кризис 2014: информационное противостояние в пространстве социальных сетей // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2014. № 1–2. С. 104–113.
- Лапина-Кратасюк Е.* Конструирование реальности в СМИ: Политики.нет или Против войны, но за победу // Russian Cyberspace. 2009. Vol. 1. No. 1. С. 61–69. <http://www.digitalicons.org/issue01/pdf/issue1/Media-Constructions-of-Reality_E-Lapina-Kratasyuk.pdf>.
- Луман Н.* Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 253 с.
- Паризер Э.* За стеной фильтров. Что интернет скрывает от вас? / Пер. с англ. А. Ширикова. М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.
- Пиперски А.Ч., Сомин А.А.* Прагматика зачеркивания: нормы коммуникации и теория оптимальности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодной Междунар. науч. конф. «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня

2014 г.). / Гл. ред. В.П. Селегей. М.: Изд-во РГГУ, 2014. Вып. 13(20) С. 531–546. <<http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2014/materials/pdf/PiperskiAChSominAA.pdf>>.

- Пономарев Н.Ф.* Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов // Вестник Пермского университета. Сер. «Российская и зарубежная филология». 2010. Вып. 3(9). С. 62–67.
- Сиривля М.А.* Манипуляции сознанием читателей в казахстанском политическом дискурсе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. Филологические науки. 2014. № 11-1. С. 137–141. <<http://www.applied-research.ru/pdf/2014/11-1/6092.pdf>>.
- Соколовский С.В.* Можно ли определить «традиционную культуру» // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. № 79. С. 54–56.
- Старобахин Н.Н.* Освещение социально-политических событий в теленовостях как способы конструирования реальности // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2008. Вып. 2. <<http://www.mediascope.ru/?q=node/251>>.
- Сухоносова С.В.* Теория фреймов: возможности исследования повседневности // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2012. № 2. С. 29–34. <<http://journals.uspu.ru/attachments/article/134/Сухоносова.pdf>>.
- Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения / Пер. с англ. А.А. Петровой. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 558 с.
- Черкашина Н.* Особенности дискурса региональных новостных интернет-порталов в освещении криминальных новостей (на примере трагических событий 22 апреля 2013 г. в Белгороде) // Современный дискурс-анализ. 2013. Вып. 9. С. 26–31. <<http://discourseanalysis.org/ada9/st64.shtml>>.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с ит. А.Г. Погоняйло, В.Г. Резника; под ред. М.Г. Ермаковой. М.: Петрополис, 1998. 432 с.
- Ядов В.А.* Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана. (По следам дискуссий при разработке исследовательского проекта) // Институт социологии РАН: Официальный портал. 2011. <http://www.isras.ru/files/File/Publication/Popitka_pereosmislit_Yadov.pdf>.
- Ясавеев И.Г.* Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. 200 с.
- Bakshy E., Messing S., Adamic L.* Exposure to Ideologically Diverse News and Opinion on Facebook // Science. 2015. No. 348(6239). P. 1130–1132.
- Brunvand J.H.* Folklore in the News (and, Incidentally, on the Net) // Western Folklore. 2001. Vol. 60. No. 1. P. 47–66.
- Frank R.* Newslore: Contemporary Folklore on the Internet. Jackson: University Press of Mississippi, 2011. 224 p.

- Jensen K.B.* Making Sense of the News: Towards a Theory and an Empirical Model of Reception for the Study of Mass Communication. Aarhus, Denmark: University of Aarhus Press, 1986. 392 p.
- Klapper J.* The Effects of Mass Communication. Glencoe, IL: Free Press, 1960. 302 p.
- Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H.* The People's Choice. How the Voter Makes up His Mind in a Presidential Campaign. N.Y.: Columbia University Press, 1944. 187 p.
- Scheufele D.A.* Framing as a Theory of Media Effects // Journal of Communication. 1999. Vol. 49. Is. 1. P. 103–122.
- Taylor M., Perry D.* Diffusion of Traditional and New Media Tactics in Crisis Communication // Public Relations Review. 2005. Vol. 31. P. 209–217.
- Weaver D.H., Graber D.A., McCombs M.E., Eyal C.* Media Agenda-Setting in the Presidential Election: Issues, Images, and Interest. N.Y.: Praeger Scientific, 1981. 227 p.

Список информантов

- Инф. 1 — муж., 21 год, живет в Симферополе с 2011 г. Запись 2015 г.
- Инф. 2 — муж., 21 год, род. и живет в Симферополе. Запись 2015 г.
- Инф. 3 — жен., 27 лет, род. в Севастополе, живет в Симферополе с 2007 г. Запись 2015 г.
- Инф. 4 — жен., 33 года, род. и живет в Симферополе. Запись 2015 г.
- Инф. 5 — жен., 22 года, род. и живет в Симферополе. Запись 2015 г.
- Инф. 6 — жен., 19 лет, род. и живет в Симферополе. Запись 2015 г.
- Инф. 7 — муж., 27 лет, род. и живет в Евпатории. Запись 2015 г.
- Инф. 8 — жен., 20 лет, род. и живет в Симферополе. Запись 2015 г.
- Инф. 9 — жен., 27 лет, род. и живет в Симферополе. Запись 2015 г.
- Инф. 10 — жен., 26 лет, род. и живет в Симферополе. Запись 2015 г.
- Инф. 11 — жен., 22 года, род. и живет в Симферополе. Запись 2015 г.
- Инф. 12 — жен., 34 года, род. и живет в Симферополе. Запись 2015 г.
- Инф. 13 — муж., 30 лет, род. и живет в Симферополе. Запись 2015 г.
- Инф. 14 — муж., 24 года, род. и живет в Симферополе. Запись 2015 г.

“Facts We Trust”: Attitudes to News during Social Polarization

Elena Malaia

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, Russia
lenmamalen@gmail.com

This article focuses on the way the same news is perceived by different people during political conflict depending on the their worldviews.

The most important questions in this work are what are the reasons for trusting or mistrusting the news, and are the triggers for these attitudes found in the media or elsewhere? This work is based on 25 interviews on the Ukrainian crisis of February—March 2014. All materials were collected in 2014 in Simferopol, Crimea. Informants point out how strong the stream of news was and how it forced them to read articles and watch TV to check out whether the information about certain events was true or not. In this context, two facts were discovered: a) the common discursive field for seemingly different sides of the conflict; b) the informants' belief that truth can be logically revealed. However, during the analysis of the narratives it became clear that in spite of their confidence in the rationality of the news, the informants only trust news that coincides with their worldviews.

Keywords: news, social polarisation, news agenda, frames, newslure, medialore, Crimea, Ukraine, Independence square, Maidan.

References

- Anderson B., *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised ed. London; New York: Verso, 2006, 240 pp.
- Arkipova A., 'Traditsii i novatsii v anekdotakh o Putine' [Traditions and Innovations in Anecdotes about Putin], *Antropologicheskij forum*, 2009, no. 10, pp. 181–251. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/010/10_02_arkhipova.pdf>. (In Russian).
- Bakshy E., Messing S., Adamic L., 'Exposure to Ideologically Diverse News and Opinion on Facebook', *Science*, 2015, no. 348(6239), pp. 1130–1132.
- Bartmiński J., *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic Image of the World: Essays on Ethnolinguistics], S. M. Tolstaya (comp., ed.). Moscow: Indrik, 2005, 512 pp. (In Russian).
- Bateson G., 'A Theory of Play and Fantasy', G. Bateson, *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*. Northvale: Jason Aronson, 1987, pp. 138–148.
- Bourdieu P., *Sur la télévision, suivi de L'Emprise du journalisme*. Paris: Raisons d'Agir, 1996, 95 pp.
- Brunvand J. H., 'Folklore in the News (and, Incidentally, on the Net)', *Western Folklore*, 2001, vol. 60, no. 1, pp. 47–66.
- Bykova O. N., 'Opyt klassifikatsii priemov rechevogo manipulirovaniya v tekstakh SMI' [The Experience of Classification of Speech Manipulation Techniques in Media Texts], A. P. Skovorodnikov (ed.), *Rechevye obshchenie: Vestnik Rossiyskoy ritoricheskoy assotsiatsii* [Verbal Communication: Bulletin of Russian Rhetorical Association], Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Press, 2000, is. 1(9). pp. 42–53. (In Russian).
- Cherkashina N., 'Osobennosti diskursa regionalnykh novostnykh internet-portalov v osveshchenii kriminalnykh novostey (na primere tragi-

- cheskikh sobytiy 22 aprelya 2013 g. v Belgorode) [Specifics of the Discourse of the Regional Online News Portals in Crime Reports (The Case of Tragic Events of April 22, 2013 in Belgorod)], *Sovremennyy diskurs-analiz*, 2013, is. 9, pp. 26–31. <<http://discourseanalysis.org/ada9/st64.shtml>>. (In Russian).
- van Dijk T. A., *News as Discourse*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988, 200 pp.
- Dushakova I., ‘Ot newslora k news i obratno: istoriya odnogo mema’ [From Newslora to News and Backwards: A History of a Meme], A. S. Arkhipova, M. I. Bayduzh (comps.), M. A. Akhmetova (ed.), *Newslora i medialora v sovremennom mire: folklorizatsiya deystvitelnosti: Tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. Moskva, RANKhiGS, 3–4 aprelya 2015* [Newslora and Medialora in Contemporary World: Folklorisation of Reality: Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, RANEP, April 3–4, 2015]. Moscow: Publishing House “Delo”, 2015, pp. 100–103. (In Russian).
- Dyakova E. G., Trakhtenberg A. D., ‘Problemy konstruirovaniya realnosti v protsessakh massovoy kommunikatsii: gipoteza “agenda-setting”’ [Problems of the Construction of Reality in Mass Communication Process: Agenda-Setting Theory], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 1999, no. 1, pp. 142–160. (In Russian).
- Eco U., *La struttura assente. Introduzione alla ricerca semiologica*. Milano: Bompiani, 1998, 431 pp.
- Frank R., *Newslora: Contemporary Folklore on the Internet*. Jackson: University Press of Mississippi, 2011, 224 pp.
- Goffman E., *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974, 586 pp.
- Gromov D. V., ‘Pozhary 2010 goda v folklornom osmyslenii’ [Wildfires of 2010 in Folkloric Understanding], V. Ye. Dobrovolskaya, A. B. Ippolitova (comps.), A. S. Kargin (ed.), *Slavyanskaya traditsionnaya kultura i sovremennyy mir* [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Moscow: State Republican Centre of Russian Folklore, 2012, is. 15, *Strategii i praktiki polevykh issledovaniy* [Strategies and Practices of Field Research]: A Collection of Articles, pp. 286–311. (In Russian).
- Jensen K. B., *Making Sense of the News: Towards a Theory and an Empirical Model of Reception for the Study of Mass Communication*. Aarhus, Denmark: University of Aarhus Press, 1986, 392 pp.
- Kegeyan S. E., Vorozhbitova A. A., *Lingvitoricheskie parametry politicheskogo diskursa (na materiale tekstov ideologov bolshevizma)* [The Linguistic and Rhetorical Parameters of Political Discourse (A Case Study of the Texts of Bolshevik Ideology)]. 2nd ed., reprint. Moscow: Flinta, 2014, 122 pp. (In Russian).
- Klapper J., *The Effects of Mass Communication*. Glencoe, IL: Free Press, 1960, 302 pp.
- Kumpan E. N., ‘Ukrainskiy krizis 2014: informatsionnoe protivostoyanie v prostranstve sotsialnykh setey’ [The Ukrainian Crisis of 2014: Informational Confrontation in the Space of Social Networks],

- Golos Minuvshego. Kubanskiy Istoricheskiy Zhurnal*, 2014, no. 1–2, pp. 104–113. (In Russian).
- Lapina-Kratasyuk E., ‘Konstruirovaniye realnosti v SMI: Politiki.net ili Protiv voyny, no za pobedu’ [Media Constructions of Reality: Politics.net, or Against the War, but for the Victory], *Russian Cyberspace*, 2009, vol. 1, no. 1, pp. 61–69. <http://www.digitalicons.org/issue01/pdf/issue1/Media-Constructions-of-Reality_E-Lapina-Kratasyuk.pdf>. (In Russian).
- Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H., *The People’s Choice. How the Voter Makes up His Mind in a Presidential Campaign*. New York: Columbia University Press, 1944, 187 pp.
- Luhmann N., *Die Realität der Massenmedien*. 2., erw. Aufl. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996, 219 SS.
- Pariser E., *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press, 2011, 294 pp.
- Piperski A. Ch., Somin A. A., ‘Pragmatika zacherkivaniya: normy kommunikatsii i teoriya optimalnosti’ [Pragmatics of Strikethrough: Norms of Communication and Optimality Theory], V. P. Selegey (ed.), *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Pomat-lam ezhegodnoy Mezhdunar. nauch. konf. “Dialog” (Bekasovo, 4–8 yunya 2014 g.)* [Computational Linguistics and Intelligent Technology: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, June 4–8, 2014)]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2014, is. 13(20), pp. 531–546. <<http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2014/materials/pdf/PiperskiAChSominAA.pdf>>. (In Russian).
- Ponomarev N. F., ‘Freyming mediapovestki dnya i tipologiya mediafreymov’ [Media Agenda Framing and the Typology of Media Frame], *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2010, is. 3(9), pp. 62–67. (In Russian).
- Scheufele D. A., ‘Framing as a Theory of Media Effects’, *Journal of Communication*, 1999, vol. 49, is. 1, pp. 103–122.
- Sirivlya M. A., ‘Manipulyatsii soznaniem chitateley v kazakhstanskom politicheskom diskurse’ [Manipulation of Readers’ Consciousness in Kazakh Political Discourse], *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy. Filologicheskie nauki*, 2014, no. 11-1, pp. 137–141. <<http://www.applied-research.ru/pdf/2014/11-1/6092.pdf>>. (In Russian).
- Sokolovskiy S. V., ‘Mozhno li opredelit “traditsionnyuyu kulturu”?’ [Is it Possible to Define “Traditional Culture”?], *Byulleten seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov*, 2008, no. 79, pp. 54–56. (In Russian).
- Starobakhin N. N., ‘Osveshcheniye sotsialno-politicheskikh sobytiy v televostyakh kak sposoby konstruirovaniya realnosti’ [Coverage of Socio-Political Events in TV News as a Way to Construct Reality], *Mediascope*, 2008, is. 2. <<http://www.mediascope.ru/?q=node/251>>. (In Russian).
- Sukhonosova S. V., ‘Teoriya freymov: vozmozhnosti issledovaniya povsednevnosti’ [Framing Theory: Possibilities of Everyday Life

- Research], *Chelovek v mire kultury. Regionalnye kulturologicheskie issledovaniya*, 2012, no. 2, pp. 29–34. <<http://journals.uspu.ru/attachments/article/134/Сухоносова.pdf>>. (In Russian).
- Taylor M., Perry D., ‘Diffusion of Traditional and New Media Tactics in Crisis Communication’, *Public Relations Review*, 2005, vol. 31, pp. 209–217.
- Vakhstein V. S., ‘Kniga o “realnosti” sotsialnoy realnosti [A Book on the “Reality” of Social Reality] [Review of:] Goffman E., Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2003’, *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 2004, no. 3–4, pp. 178–187. (In Russian).
- Vakhstein V. S., *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freymov [Sociology of Everyday Life and Framing Theory]*. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2011, 333 pp. (In Russian).
- Weaver D. H., Graber D. A., McCombs M. E., Eyal C., *Media Agenda-Setting in the Presidential Election: Issues, Images, and Interest*. New York: Praeger Scientific, 1981, 227 pp.
- Yadov V. A., ‘Popytka pereosmyslit kontseptsiyu freymov Irvinga Gofmana. (Po sledam diskussiy pri razrabotke issledovatel'skogo proekta)’ [Trying to Reconsider the Concept of Frames by Erving Goffman. (In the Wake of Discussions While Developing a Research Project)], *Institute of Sociology RAS; Official web-site*, 2011. <http://www.isras.ru/files/File/Publication/Popitka_pereosmislit_Yadov.pdf>. (In Russian).
- Yasaveev I. G., *Konstruirovaniye sotsialnykh problem sredstvami massovoy kommunikatsii [Constructing Social Problems by Means of Mass Communication]*. Kazan: Kazan State University Press, 2004, 200 pp. (In Russian).
- Zaller J. R., *The Nature and Origin of Mass Opinion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, 382 pp.
- Zimin M. V., ‘Effektivnost mediatizirovannoy massovoy kommunikatsii v izbiratel'nom protsesse: teoreticheskie modeli i elektoral'naya praktika’ [Efficiency of Mediatized Mass Communication in the Electoral Process: Theoretical Models and Electoral Practice], *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gos. agrarnogo universiteta*, 2006, no. 20, pp. 276–295. <http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/1522/39_23.pdf?sequence=1>. (In Russian).